

***ТРЫКОВ Валерий Павлович**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета. Автор 218 научных публикаций**

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА В КНИГЕ ЭЖЕНА-МЕЛЬХИОРА ДЕ ВОГЮЭ «РУССКИЙ РОМАН»

В статье раскрывается вклад французского писателя и дипломата Эжена-Мельхиора де Вогюэ (1848–1910), автора до сих пор полностью не переведенной на русский язык книги «Русский роман» (1886), в осмысление русской культуры и литературы на Западе. Цель исследования заключается в определении места французского писателя в западном дискурсе о России, его роли в формировании образа России в литературном сознании Запада. Научная значимость работы обусловлена важностью для современной гуманитаристики и культуры проблемы рецепции «Другого», межкультурного диалога. Практическая ценность определяется изучением механизмов и закономерностей межкультурной коммуникации, выработкой приемов демифологизации западных представлений о «Другом», эксплицированием тех идеологем, сквозь призму которых Запад воспринимает Россию и славянский мир. В статье показано, как Вогюэ вписал тему исторических перспектив славянства в новый контекст и трактовал ее в категориях упадка Запада. Западному декадансу он противопоставлял витальность молодой «славянской расы». Сохраняя традиционный для западного дискурса о славянах «комплекс превосходства», Вогюэ вместе с тем ощущал нравственный и исторический динамизм славянства, пребывающего в поиске новых идеалов и форм жизни. Выделяя мистицизм как доминирующее свойство «русской души», противопоставляя его западному рационализму, Вогюэ отмечал как его положительные, так и отрицательные последствия. Впервые в западном дискурсе одна из славянских литератур (русская) была признана в определенном отношении моделью для литератур Запада.

Ключевые слова: Э.-М. де Вогюэ, «Русский роман», «славянская раса», Запад, мистицизм, «синтезм», «католическое возрождение».

Цель статьи – определить место французского дипломата и литератора Эжена-Мельхиора де Вогюэ (1848–1910) в западном дискурсе о России, его влияние на формирование образа

нашей страны в литературном сознании Запада. Объектом исследования является книга Вогюэ «Русский роман» (1886), которая имела большой успех во Франции, в значительной степени

*Адрес: 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; e-mail: v.trykoff@yandex.ru

Для цитирования: Трыков В.П. Русская культура и литература в книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 4. С. 83–93. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.4.83

формируя взгляд соотечественников автора не только на русскую литературу, но и на русских (и вообще славян) в их отношениях с западноевропейцами. Большая энциклопедия так определяла место Вогюэ во французской литературе: «Это блестящий писатель с несколько высокопарным стилем и философскими притязаниями, один из тех, кто внимательно отслеживает политическую и интеллектуальную ситуацию за рубежом. Русская литература и русский мир особенно обязаны ему тем, что они стали гораздо более известны во Франции, чем когда-либо прежде»¹. Современный французский ученый Кристоф Шарль полагает, что Вогюэ внес вклад в преодоление крайне негативного образа России, а также дал импульс развитию неоконсервативного, антидемократического дискурса во Франции на рубеже XIX–XX веков [1, с. 113].

Актуальность темы обусловлена нарастающим в настоящее время конфликтным потенциалом в отношениях между Россией и Западом и необходимостью исследовать механизмы межкультурного диалога. Представляется, что изучение рецепции славянского мира на Западе, и в частности в анализируемой книге Вогюэ, служит решению этой задачи.

Новизна работы состоит в осмыслении вклада Вогюэ в формирование образа России в западном литературном сознании рубежа XIX–XX веков.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении роли литературно-эстетического фактора в конструировании образа «Другого». Практическая ценность – в том, что в нем введена в культурный обиход не переведенная полностью на русский язык книга Вогюэ. Материалы статьи могут быть использованы при чтении курсов по зарубежной литературе, межкультурной коммуникации, компаративистике.

Фигура Вогюэ почти не изучена в отечественном литературоведении. «Первооткрывателем» Вогюэ в России была З. Венгерова, чьи рецензии на его романы появлялись в «Вестнике Европы» [2, 3]. На кончину французского ли-

тератора откликнулся П. Боборыкин, опубликовавший в журнале «Новое слово» некролог «Глашатай русского романа» [4]. Однако впоследствии советское литературоведение не уделило сколько-нибудь заметного внимания творчеству Вогюэ. Отметим, что и западные литературоведы в долгу у писателя. Удалось обнаружить всего одну монографию о нем – книгу Магнуса Роля «“Русский роман” Эжена-Мельхиора де Вогюэ. Предварительный очерк» (1976) [5]. В 1989 году в Париже вышел сборник статей, посвященный Вогюэ, – «Эжен-Мельхиор де Вогюэ, глашатай русского романа» [6]. В статье «Актуальность “Русского романа”» Е. Эткинд утверждал: «...в том, что касается России, эта книга сыграла такую же роль, как книга Жермены де Сталь “О Германии” в 1810 году», «и через семьдесят пять лет французы открывали для себя Россию благодаря книге Вогюэ...» [7, р. 105]. В работах Ж. Кальве [8] и Г. Трюка [9] творчество Вогюэ исследовалось в контексте литературы «католического возрождения» во Франции.

«Русский роман» Вогюэ – не этнографический очерк, а обстоятельное литературное эссе, где представлена панорама русской литературы с акцентом на русский реалистический роман XIX века. Вместе с тем данный текст позволяет реконструировать представления Вогюэ о славянском мире, рассматриваемом в его отношении к Западу. Эти два слова – «les slaves» и «l’Occident» – неоднократно встречаются на страницах «Русского романа», в котором содержатся многочисленные замечания, суждения и оценки Вогюэ, касающиеся этой проблемы.

Судьбы славянского мира активно обсуждались во французской прессе 1830–40-х годов, особенно в связи с Варшавским восстанием и распространением идей панславизма. В Париже выходили многочисленные труды польских эмигрантов (А. Мицкевича, А. Гуровского, В. Яблоновского и др.), посвященные проблемам славянства. В 1847 году вышла книга французского литератора Сиприена Робера «Панславизм»,

¹La Grande Encyclopédie: en 31 vol. Paris, 1886–1902. Vol. 31. P. 1088.

составленная из статей, печатавшихся во влиятельном парижском журнале «Revue des deux mondes». Робер противопоставлял русским «чистых славян» («les slaves purs»), к которым относил прежде всего западных и южных. Русских Робер рассматривал как результат смешения славянского и татарского элементов, а потому отказывал им в «чистоте расы». По его мысли, мощная, «полуварварская» Российская империя представляет угрозу независимости «чистых славян», и единственный выход для них – объединиться между собой.

Вогюэ иначе видел отношения в славянском мире. Для него русские – наиболее яркие его представители, поэтому в «Русском романе» слова «славяне» и «русские» часто используются как синонимы, а сами понятия становятся взаимозаменяемыми. Это же верно и по отношению к французам, носителям важнейших черт Запада.

Хотя Вогюэ и пишет, что славяне являются «старейшей ветвью арийства»², старшинство он отдает западноевропейцам. Причем речь идет не только об историческом возрасте этих народов, но об их взаимном культурном статусе. Писатель утверждает, что западноевропейцы «избраны ныне, чтобы вести за собой человечество»³. Здесь Вогюэ не выходит за рамки просветительского дискурса, утверждавшего культурное лидерство Западной Европы и отставание Европы Восточной [10]. Однако Западу принадлежит прошлое и настоящее, будущее – за славянскими народами: «Славянская раса еще не сказала своего весомого слова в истории, а великое слово, которое говорит раса, есть всегда слово религиозное»⁴. Интенсивный поиск этого нового «религиозного слова» идет в славянском мире. Мысль о великом будущем славянских народов высказывалась и до Вогюэ.

«Великие свершения» предрекала русским, «народу-исполину», Жермена де Сталь в своей книге «Десять лет в изгнании» (1821). Адам Мицкевич в «Дзядях» (1832), «Книгах польского народа и польского пилигримства» (1832) развивал концепцию «польского мессианства», смысл которой сводился к тому, что поляки смогут повести за собой другие народы по пути христианизации отношений между ними. В книге А. Мицкевича «Славяне» (1849), составленной из лекций, прочитанных им в 1840–44 годах в Коллеж де Франс, содержится пассаж, который можно было бы назвать претекстом приведенного выше высказывания Вогюэ о новом слове, что предстоит сказать славянам: «Сказанное нами о духе славянских народов в целом позволяет убедиться, что они подготовлены Провидением к принятию нового слова. Эта раса, душевные силы которой не изнурены ни интеллектуальными достижениями, ни промышленностью, сохраняет чистое и глубокое религиозное чувство и, конечно, не удовлетворится никакой из известных на сегодняшний день политических форм»⁵.

Французский историк Алексис де Токвиль в книге «Демократия в Америке» (1835–1840) утверждал, что будущее принадлежит двум молодым странам – России и Америке. Однако Вогюэ вписал тему исторических перспектив славянства в новый контекст и трактовал ее в категориях упадка и вырождения Запада. Вогюэ полагал, что Запад стар, утончен, сыт, устал, окостенел в своей «мудрости» и самоуспокоенности. Симптомом становится приверженность Запада к «напыщенному красноречию». Французы – «раса постаревшая, умная, пресыщенная напыщенным красноречием»⁶. В русской культуре, напротив, риторика еще не получила развития. Объясняя свое обращение к русскому роману в поисках разгадки «тайны

²Vogüé E.M. de. Le Roman russe. Paris, 1886. P. 174.

³Ibid. P. 6.

⁴Ibid. P. 343.

⁵Mickiewicz A. Les Slaves: en 5 vol. Paris, 1849. Vol. 3. P. 244–245.

⁶Vogüé E.M. de. Op. cit. P. XXVII.

России», Вогюэ подчеркивал, что «философия, история, красноречие <...> суть жанры, почти отсутствующие в этой молодой литературе...»⁷

Далее тема найдет свое развитие, когда Вогюэ, повествуя о судьбах романтизма в России, констатировал, что «народ, особенно народ страдающий и уповающий, недолго довольствовался напыщенным красноречием; он оставил эту роскошь салонам и образованному сословию»⁸. В отличие от Запада славянский мир относительно молод, пребывает в развитии, движении, поиске. Даже его болезни суть болезни роста. В настоящее время, по мнению Вогюэ, Россия претерпевает «жесточайший кризис молодого возраста <...>, из которого выйдет более сильной и жизнеспособной»⁹. «Под покровом их духовных недомоганий, временного нигилизма Толстого, интеллектуальных судорог Достоевского чувствуется огромная жизненная сила, душа, готовая откликнуться на любое праведное слово, которое увлечет ее»¹⁰.

Вогюэ, с одной стороны, испытывает «комплекс превосходства» умного, опытного, утонченного француза по отношению к русским (и славянам в целом), с другой – завидует их молодости, духовной динамичности, великому будущему. «Комплекс превосходства» обнаруживает себя, в частности, в полемике Вогюэ с Достоевским, в его ироничных оценках некоторых суждений великого писателя о Западе. По мнению Вогюэ, Достоевский «с поразительной наивностью судил о Западе»¹¹. Вспоминая литературное собрание, участником которого он был и на котором Достоевский делился своими

впечатлениями о Париже, Вогюэ замечает, что русский писатель говорил о Париже, как «Иов мог говорить о Ниневи, с пылом библейского негодования»¹². Вогюэ отказывает этому «скифу» (так автор называет Достоевского в начале главы о нем) критически судить о Париже, центре цивилизации. Между тем сам Вогюэ считает вполне допустимым с высот своей западноевропейской «цивилизованности» называть Россию «послушным и слепым колоссом»¹³.

Русские писатели «ищут религиозной правды, поскольку та формула, которая претендует на то, чтобы дать ее им, их больше не удовлетворяет, и потому что отрицание, которым довольствуемся мы, противно всем их инстинктам»¹⁴. Какие же «инстинкты», свойственные «славянской расе», имеет в виду Вогюэ? Прежде всего мистицизм, который Вогюэ противопоставляет рационализму Запада, наследовавшего просветительскую традицию, а вместе с ней склонность к анализу и всем разновидностям дробности, обособленности. Вогюэ считал мистицизм «существенным элементом русской души»¹⁵. Нигде на страницах книги Вогюэ не разъясняет, какой смысл он вкладывает в это понятие. Так, проявлением мистицизма у Н.В. Гоголя стал отказ писателя от искусства в пользу религии, его глубокая озабоченность религиозными вопросами, прежде всего в «Выбранных местах...». Однако религиозность – лишь одна и вовсе не обязательная составляющая русского мистицизма. Этой гоголевской открытой религиозности и защиты церкви Вогюэ не обнаруживает, например, у И.С. Тургенева, которого тем

⁷ *Vogüé E.M. de. Op. cit. P. XI.*

⁸ *Ibid. P. 60–61.*

⁹ *Ibid. P. 346.*

¹⁰ *Ibid. P. 342.*

¹¹ *Ibid. P. 271.*

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid. P. 35.*

¹⁴ *Ibid. P. 342.*

¹⁵ *Ibid. P. 30.*

не менее считает «воплощением главных качеств русского народа»¹⁶.

У Ф.М. Достоевского мистицизм проявляется в иррациональном культе страдания, свойственном, по мысли Вогюэ, всем русским, ищущим «страдания ради него самого, как способа искупления грехов»¹⁷. По мнению Вогюэ, поздний Л.Н. Толстой разочаровался в возможностях разума, отказался от пантеизма, который, в сущности, «есть еще одна попытка рационального объяснения мира»¹⁸, и был «очарован мистицизмом, который давно подстерегал его беспокойную душу; нигилист вдруг припал к стопам Бога, какого Бога, мы скоро увидим»¹⁹. Проявление мистицизма Вогюэ видит в широком распространении франкмасонства в русском образованном классе эпохи Александра I. Для многих представителей тогдашней русской элиты мистицизм был «смутным протестом души против негативной философии энциклопедистов, торжества рационализма», утверждает Вогюэ²⁰. Показательно, что Вогюэ отказывает Пушкину в чести быть выразителем «русской души» прежде всего на том основании, что в творчестве поэта «нет и тени мистицизма», а «религиозное чувство для него всего лишь поэтическое средство»²¹.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно заключить, что мистицизм, в трактовке Вогюэ, – особая душевная настроенность, когда чувство, интуиция, воображение, вера превалируют над разумом. Одновременно это и утверждение доминирующего положения иррационального начала в системе ценностей, и признание чего-то, что выше отдельной личности, – некоего условного Бога. Русским

свойственен «вкус к абсолютному» («le goût de l'absolu»), утраченный, как полагал Вогюэ, Западной Европой под воздействием просветительской идеологии с ее культом Разума и самоопределяющейся личности²².

Следствием мистицизма стал особый склад мышления русских, который можно было бы условно назвать «синтетизмом», способностью видеть мир как единство. Высшим проявлением этой русской черты, по мнению Вогюэ, стал гений Л.Н. Толстого: «Толстой, этот тончайший аналитик, пренебрегает первой операцией анализа, столь привычной для французского гения; мы хотим, чтобы романист сначала произвел отбор, чтобы он вычленил персонажа, событие из множества существ и предметов, чтобы затем сделать этот отобранный объект предметом изучения. Русский, которому в высшей степени свойственно ощущение всеобщей взаимозависимости (“la dépendance universelle”) не решится разорвать тысячу связей, которые связывают человека, действие, мысль в единую цепь бытия; он никогда не забывает, что все связано со всем»²³.

Синтетизм славянского духа проявился и в своеобразии нравственного идеала «правды» у славян, понимаемой как единство истины и справедливости. «В своей погоне за “правдой”, повторю это, они никогда не разделяют божественное и человеческое. Идеал, осуществления которого они чают, включает в себя и то, и другое. Поскольку они не смогли найти этот идеал, поскольку они еще очень молоды и очень наивны, они запоздали в своих попытках религиозного и социального синтеза, сблизившего наш Запад в средние века, на заре Реформации. Эти идеи у славян облакаются

¹⁶Vogüé E.M. de. Op. cit. P. 148.

¹⁷Ibid. P. 228.

¹⁸Ibid. P. 288.

¹⁹Ibid. P. 283.

²⁰Ibid. P. 31.

²¹Ibid. P. 48.

²²Ibid. P. XIX.

²³Ibid. P. 295.

в особую форму, или по крайней мере в более определенную»²⁴. Вышеприведенный пассаж – вздох сожаления усталой западной цивилизации о своей юности в сочетании с чувством превосходства, которое испытывает мудрый старик к наивному юноше.

Мистицизм окрасил всю русскую литературу, пронизал ее особым пафосом милосердия, сострадания, сочувствия к «униженным и оскорбленным». В «Мертвых душах» Гоголя под налетом сарказма Вогюэ ощущает «чувство евангельского братства», «любовь к униженным и сочувствие к страждущим»²⁵. Всем русским романистам свойственно «милосердие, более-менее активное у Тургенева и Толстого, испущенное у Достоевского, доходящее до мучительной страсти»²⁶. В этом отношении, полагает автор «Русского романа», все они «остаются христианами»²⁷.

Сравнивая современный ему французский роман с романом русским, Вогюэ отдает предпочтение последнему. Он пишет о «пропасти, разделяющей русский и французский реализм». Сопоставляя «Шинель» Гоголя и «Бувар и Пекюше» Флобера, поясняет: «У нас автор издевается над своим персонажем, глумится над ним, высмеивает его, он изливает на этого идиота всю свою ненависть к человеческой глупости. Гоголь, напротив, подшучивает над своим героем с оттенком жалости; он подсмеивается над ним, как шутят над простодушными детьми с затаенной нежностью. Для первого “нищий духом” – мерзкое чудовище, для второго – несчастный собрат»²⁸.

Зарождение и утверждение реалистического романа на Западе Вогюэ связывал прежде всего со сменой читательских предпочтений и ожиданий: читатели в произведениях реалистов «хотели найти <...> ощущение сложности

жизни, людей, понятий и ту склонность к анализу, которая в нашу эпоху вытеснила вкус к абсолютному. Так родился реализм...»²⁹ Русским с их «синтетизмом» удалось органично соединить в романе эту склонность к анализу со «вкусом к абсолютному», правдивость и человечность, истину и справедливость. В этом Вогюэ видел специфику и особое достижение русского романа.

Вогюэ осмысливал русскую литературу в широкой философской перспективе, видел в ней весомый аргумент в споре о природе человека, его месте в мироздании и отношениях с Богом. Писатель полагал, что все современные ему литературные и эстетические разногласия суть проявления этого идейного конфликта эпохи, одной стороной которого выступают современные последователи просветителей, отстаивающие культ Разума, свободной, самоопределяющейся личности и нравственный релятивизм, а другой – «неомистики», верящие в существование Абсолюта и единых нравственных норм. Вогюэ был одним из таких «неомистиков», тех, кто стоял у истоков «католического возрождения» во Франции. Жан Кальве в монографии «Католическое возрождение в современной литературе» (1927) характеризует Вогюэ как «серьезного и вдумчивого писателя», критика современной жизни и нравов, «вдохновлявшегося самым подлинным и искренним христианским чувством» [8, р. 136]. Оттого так импонировал Вогюэ мистицизм русских, в котором писатель видел противоядие против западного рационализма и его крайнего выражения – современного ему позитивизма. Вогюэ полагал, что русский роман в этом споре века, в этом «великом процессе» над рационализмом и позитивизмом выступил с более вескими аргументами, чем те, что выдвигал Запад.

²⁴Vogüé E.M. de. Op. cit. P. 343.

²⁵Ibid. P. 117.

²⁶Ibid. P. XLV.

²⁷Ibid.

²⁸Ibid. P. 97–98.

²⁹Ibid. P. XIX.

Различие между Востоком и Западом Вогюэ видел не только в разном пафосе русского и французского романа, но и в том, как по-разному в России и Франции относятся к литературе. Причем это различие касается как самих писателей, так и читающей публики. В отличие от французских литераторов «никто из русских романистов не ставит перед собой чисто литературных задач; все их творчество подчинено заботе о двух вещах – истине и справедливости. Эти понятия разделены для нас, но для них они едины»³⁰. Таким образом, русские писатели разделяют со всем народом идеал «правды», видят в литературе способ его достижения, в то время как их французские собратья озабочены решением «чисто литературных задач». О «литературности» и «эстетическом фанатизме» французов рубежа XIX–XX веков писал Н. Бердяев в книге «Самопознание» (1949): «Чудовищное преувеличение литературы во Франции есть черта декаданса. Когда молодой француз говорил о пережитом им кризисе, то обыкновенно это означало, что он перешел от одних писателей к другим, напр<имер> от Пруста и Жида к Барресу и Клоделю. Россия страна великой литературы, но ничего подобного у нас не было» [11, с. 274].

Вогюэ не принимал крайностей «эстетического фанатизма», выступал с критикой эстетизма и теории чистого искусства, родоначальником которой во Франции был Т. Готье. Вогюэ импонирует этический пафос русской литературы. Вместе с тем он не смог совсем избежать влияния «литературности». Показательно, что специфику «славянской расы» он ищет в литературе, полагая вслед за представителями культурно-исторической школы (прежде всего

И. Тэнном), что именно литература является отражением «расы, среды и момента».

Вогюэ констатирует различное отношение к литературе не только писателей двух стран, но и читающей публики. «Русская публика, – писал он, – судит и чувствует в соответствии с особыми законами, которые не являются более нашими. Мы требуем от романа только того, чего требуют от любого произведения искусства на той ступени цивилизации, которой мы достигли, – утонченного времяпрепровождения, отвлечения от жизненных забот и интересов, мимолетных и поверхностных впечатлений...»³¹ Такое отношение к литературе Вогюэ называл «дилетантизмом» и констатировал, что в России читающая публика «преодолела наш дилетантизм»³². Для русских литература не развлечение, но «хлеб насущный для души» («le pain quotidien de l'âme»)»³³. Для них писатель – не шут, развлекающий праздную публику, но «наставник народа» и «пророк»³⁴.

Однако, отмечая глубину и серьезность русского (и вообще славянского) духа, проявляющиеся в разных сферах, Вогюэ видел и то, что считал отрицательными последствиями свойственного этому духу мистицизма: его неформленность, «смутность», склонность к крайностям как следствие «разбалансировки» между разумом и чувством, волей и инстинктивным побуждением. Для Вогюэ «Россия – страна смутных душ, похожих на души моряков»³⁵. Пожалуй, самым ярким воплощением этих черт стал для Вогюэ Достоевский, о котором он писал: «Если рассматривать его с точки зрения наших представлений о прекрасном, наших вкусов, суждение о нем трудно сформулировать. Нужно рассматривать Достоевского как явление другого мира, незавершенное и мощное

³⁰Vogüé E.M. de. Op. cit. P. 174.

³¹Ibid. P. 144.

³²Ibid. P. 145.

³³Ibid. P. 144.

³⁴Ibid. P. 145.

³⁵Ibid. P. 12.

чудовище, уникальное в своей самобытности и силе»³⁶.

Показательно, что Вогюэ, называя Достоевского «странной фигурой», «скифом, призванным перевернуть все наши умственные привычки», косвенно сравнивает писателя с собором Василия Блаженного: «С ним мы входим в самое сердце Москвы, в этот чудовищный собор Василия Блаженного, изваянный и раскрашенный как китайская пагода, построенный татарскими зодчими, но в котором, однако, обитает христианский Бог»³⁷. Азиатские реминисценции и аналогии – обычный прием западного дискурса о России. Однако если прежде они имели чаще всего отрицательные коннотации и выражали идею цивилизационной отсталости русских и в целом славян, то у Вогюэ они – скорее знак их самобытности, сумевшей синтезировать азиатский и христианский элементы.

Вогюэ еще раз прибегнет к данному приему архитектурной аналогии: в этом случае французский писатель устанавливает сходство между славянским духом и Исаакиевским собором. Смутность, неоформленность славянского духа проявляется и в полутьме, царящей в соборе, и в фигуре Христа, которая «лишена той безмятежности, которую ей обычно придавали художники Запада <...> Худой, бледный, пылкий, с чудесной растерянностью во взоре, славянский Христос выражает неведомо какую человеческую тоску, неизвестно какую незавершенную мечту, мечту бога, недовольного своей божественностью; для него ничто не завершено; он еще не сказал последнего слова; это именно бог народа, который ищет свой путь, и его фигура верно выражает беспокойство этого народа»³⁸.

Литературной проекцией славянской специфики стало то, что Вогюэ считал «погрешностями» стиля русских писателей. Все эти «погрешности», так или иначе, были, с его точки зрения, следствием отсутствия чувства меры. Так, Вогюэ не разделяет восторгов русских читателей «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и признается, что его это произведение оставило равнодушным, поскольку в нем, по мнению французского литератора, грубовато фарсовое начало³⁹. Неудачу романа И.С. Тургенева «Новь» Вогюэ видит в нарушении равновесия, той гармонии между наблюдением и оценкой, которую он так высоко ценил в таланте Тургенева. Результатом стало окарикатуривание представителей высших классов русского общества.

Высоко оценивая творчество Достоевского, масштабы личности и таланта писателя, Вогюэ отказывает ему в гениальности на том основании, что гений должен обладать двумя высшими качествами, которых нет у Достоевского: чувством меры (“la mesure”) и универсальностью (“l’universalité”)⁴⁰. Первое качество заключается в способности «подчинять свои мысли, выбирать между ними»⁴¹. Второе – в умении видеть жизнь в различных ее проявлениях, изображать ее, не стгущая красок, не нарушая все того же, столь ценимого французом равновесия. Достоевский изображал преимущественно мрачные стороны действительности: «Он как путешественник, который объездил весь мир и восхитительно описал все, что увидел, но путешествовал он только ночью»⁴².

Упреки в отсутствии чувства меры заслужил и Толстой. Вогюэ отмечает длинноты в его «Детстве. Отрочестве. Юности»: «Любопытная

³⁶Vogüé E.M. de. Op. cit. P. 267.

³⁷Ibid. P. 203.

³⁸Ibid. P. 342.

³⁹Ibid. P. 82.

⁴⁰Ibid. P. 267.

⁴¹Ibid.

⁴²Ibid.

книга, но местами затянутая, неинтересная; Диккенс выглядит лаконичным рядом с русским писателем⁴³. Вогюэ считал вполне оправданным снятие во французском издании «Войны и мира» финальных историософских пассажей, поскольку «ни один читатель не смог противостоять тому ненужному утомлению, которое они вызывают»⁴⁴.

В главе о Толстом это отсутствие баланса, неуравновешенность, осмысливается уже не как стилистическая особенность русской литературы или психологическая черта персонажей русского романа, но как состояние духа всей современной России: «Это новая Россия, погружившаяся во тьму в поисках своего пути, равнодушная к требованиям нашего вкуса и зачастую непостижимая для нас. Не требуйте от нее самоограничения, к которому она менее всего способна, не ждите концентрации на чем-то, подчинения какой-то доктрине; она стремится лишь к тому, чтобы запечатлеть в литературе тот нравственный хаос, который она претерпевает»⁴⁵.

Таким образом, Вогюэ в оценке разных явлений русской жизни и культуры последовательно и неуклонно руководствуется одним критерием – «стандартом» французского вкуса, чувства меры, выступая в этом отношении наследником «золотого века» французской литературы и его ярчайших представителей – П. Корнеля, Ж. Расина, Ж.-Б. Мольера, Н. Буало, Ф. де Ларошфуко и др. Любопытно, что крайности мистицизма так же неприемлемы для Вогюэ, как и крайности рационализма. «Языков и Жуковский были стерилизованы мистицизмом, в который они погрузились», – полагает автор «Русского романа»⁴⁶.

Вогюэ был не единственным французским литератором, почувствовавшим эту «неуравновешенность» русского духа, проявившуюся в литературе. Мода на русских, возникшая во Франции на рубеже XIX–XX веков, была в штыки воспринята частью французской литературной элиты. Об угрозе чистоте французской литературы и основам французского духа заговорили Ф. Брюнетьер, Ж. Леметр и др. Однако для Вогюэ те положительные уроки, что могли извлечь французская литература и французское общество из опыта знакомства с русским романом, были важнее возможного негативного влияния на чистоту французского вкуса. По мнению Вогюэ, русский роман мог стать своего рода прививкой человечности и милосердия, которые утрачивала рационалистическая, позитивистская, все дальше уходящая от христианских ценностей культура Запада.

У Вогюэ – впервые в западном дискурсе – одна из славянских литератур рассматривалась в определенном отношении как нравственный и эстетический образец, на который было бы полезно ориентироваться Западу. «Парадокс Вогюэ» состоит в том, что, будучи представителем «католического возрождения» во Франции, «неомистиком», осуждая безоглядный рационализм Запада, симпатизируя «мистицизму» и «синтетизму» славянского духа, он между тем, быть может, неосознанно руководствуется в оценке многих его проявлений восходящими к классической рационалистической парадигме категориями вкуса и чувства меры, оставаясь в этом отношении наследником той традиции, которую, казалось бы, он порицал в лице французских просветителей.

⁴³*Vogüé E.M. de. Op. cit. P. 288.*

⁴⁴*Ibid. P. 315.*

⁴⁵*Ibid. P. 279–280.*

⁴⁶*Ibid. P. 57.*

Список литературы

1. Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М.: Новое изд-во, 2005. 325 с.
2. З.В. (Венгерова З.). Новости иностранной литературы. – Е.М. de Vogüé. Les Morts qui parlent. Paris. 1899. Стр. 382 // Вестн. Европы. 1899. Т. 4, кн. 8 (авг.). С. 868–874.
3. З.В. (Венгерова З.). Новости иностранной литературы. – II. V-te Е.М. de Vogüé. Le Maître de la Mer. Стр. 442. Paris, 1903 // Вестн. Европы. 1903. Т. 6, кн. 12 (дек.). С. 870–877.
4. Боборыкин П.Д. Глашатай русского романа (памяти Мельхиора де Вогюэ) // Новое слово. 1910. № 5. С. 41–42.
5. Röhl M. Le Roman russe de Eugène-Melchior de Vogüé: Étude préliminaire. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1976. 203 p.
6. Eugène-Melchior de Vogüé: le héraut du roman russe. Paris: Institut d'études slaves, 1989. 117 p.
7. Etkind E. L'actualité du «Roman russe» // Eugène-Melchior de Vogüé: le héraut du roman russe. Paris: Institut d'études slaves, 1989. P. 105–114.
8. Calvet J. Le Renouveau catholique dans la littérature contemporaine. Paris: F. Lanore, 1927.
9. Truc G. Histoire de la littérature catholique contemporaine. Paris: Casterman, 1961. 352 p.
10. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
11. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1991. 446 с.

References

1. Charle C. *Intellektualy vo Frantsii: Vtoraya polovina XIX veka* [Intellectuals in France. 2nd Half of the 19th Century]. Moscow, 2005. 325 p.
2. Z.V. (Vengerova Z.). *Novosti inostrannoy literatury*. – E.M. de Vogüé. Les Morts qui parlent. Paris. 1899. Str. 382 [News of Foreign Literature: E.M. de Vogüé. Les Morts qui parlent. Paris. 1899, p. 382]. *Vestnik Evropy*, 1899, vol. 4, book 8 (August), pp. 868–874.
3. Z.V. (Vengerova Z.). *Novosti inostrannoy literatury*. – II. V-te E.M. de Vogüé. Le Maître de la Mer. Str. 442. Paris, 1903 [News of Foreign Literature: II. V-te E.M. de Vogüé. Le Maître de la Mer, p. 442. Paris, 1903]. *Vestnik Evropy*, 1903, vol. 6, book 12 (December), pp. 870–877.
4. Boborykin P.D. Glashatay russkogo romana (pamyati Mel'khiora de Vogyue) [The Herald of the Russian Novel (in Memory of Eugène-Melchior de Vogüé)]. *Novoe slovo*, 1910, no. 5, pp. 41–42.
5. Röhl M. *Le Roman russe de Eugène-Melchior de Vogüé: Étude préliminaire*. Stockholm, 1976. 203 p.
6. Eugène-Melchior de Vogüé: *le héraut du roman russe*. Paris, 1989. 117 p.
7. Etkind E. L'actualité du «Roman russe». *Eugène-Melchior de Vogüé: le héraut du roman russe*. Paris, 1989, pp. 105–114.
8. Calvet J. *Le Renouveau catholique dans la littérature contemporaine*. Paris, 1927.
9. Truc G. *Histoire de la littérature catholique contemporaine*. Paris, 1961. 352 p.
10. Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, 1994 (Russ. ed.: Vul'f L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya*. Moscow, 2003).
11. Berdyaev N.A. *Samopoznanie* [Self-Knowledge]. Moscow, 1991. 446 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.4.83

Valeriy P. Trykov

Moscow Pedagogical State University;
ul. Malaya Pirogovskaya 1, str. 1, Moscow, 119991, Russian Federation;
e-mail: v.trykoff@yandex.ru

**RUSSIAN CULTURE AND LITERATURE
IN *THE RUSSIAN NOVEL* BY EUGÈNE-MELCHIOR DE VOGÜÉ**

This article dwells on the contribution of the French writer and diplomat Eugène-Melchior de Vogüé (1848–1910), author of the book *The Russian Novel* (1886), which has not yet been fully translated into Russian, in the understanding of Russian culture and literature in the West. The article aimed to determine his place in Western discourse about Russia and his role in the formation of the image of Russia in Western literary consciousness. The value of this research stems from the current importance for the humanities and culture of the problems of reception of the Other and intercultural dialogue. In terms of practical value, the paper studies the mechanisms and patterns of intercultural communication, develops demythologization techniques for Western notions about the Other, and reveals those ideologemes through which the West perceives Russia and the Slavic world. Vogüé introduced the theme of historical prospects of the Slavs into the new context and interpreted it using the categories of the decline of the West. He contrasted Western decadence with the vitality of the young “Slavic race”. Keeping in line with the so-called superiority complex towards the Slavs, typical of Western discourse, Vogüé at the same time felt a moral and historical dynamism of the Slavic people seeking for new ideals and forms of life. Singling out mysticism as a dominant feature of the “Russian soul” and contrasting it with Western rationalism, Vogüé saw both its positive and negative consequences. For the first time in Western discourse, one of the Slavic literatures (Russian) was, in certain respects, recognized as a model for Western literature.

Keywords: *E.-M. de Vogüé, The Russian Novel, “Slavic race”, the West, mysticism, synthetism, “Catholic renaissance”.*

Поступила: 11.10.2017

Принята: 30.03.2018

Received: 11 October 2017

Accepted: 30 March 2018

For citation: Trykov V.P. Russian Culture and Literature in *The Russian Novel* by Eugène-Melchior de Vogüé. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 4, pp. 83–93. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.4.83